

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается Кейли, моему первому приключению.

Ты пришла в этот мир под усыпанным звездами небом, расцвеченным яркими красками. Я никогда не устану повторять: Четвертое июля на самом деле праздновали только в твою честь. Сейчас ты стоишь на пороге взрослой жизни, а я до сих пор вспоминаю ту безумную, влажную ночь. Как я осознала, что ты стала воплощением всех моих страхов и надежд.

Я думала, что самым трудным в родительстве будет твое появление на свет, но с ужасом поняла: меня погубит необходимость тебя отпустить.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ

Это роман о байкерском клубе, однако, поскольку он написан Эшли Муньос, основное внимание уделяется романтике, а не внутренней кухне самого клуба. Книга не относится к жанру темного романа. Тем не менее во время чтения стоит обратить внимание на некоторые моменты: в тексте присутствуют упоминания скорби по родителю, похищения, жестокого обращения, насилия, а также сомнофилии с предварительного согласия.

ПОНЯТИЯ БАЙКЕРСКОГО КЛУБА

Жилет (куртка): обычно это кожаная или джинсовая жилетка с клубной символикой в виде нашивок, вышитых в цветах клуба. Она определяет, какому клубу принадлежит байкер, и демонстрирует лояльность к нему.

Сладкая попка: термин, используемый для обозначения девушек, которые не состоят в каких-либо серьезных отношениях, но получили разрешение находиться в клубе и проводить время с его членами.

Старуха: женщина в клубе, которая либо замужем, либо состоит в серьезных отношениях с одним из его членов, возраст не имеет значения при использовании этого термина.

Нашивка «Собственность»: почетное звание в клубе, поскольку это способ показать, с кем женщина состоит в отношениях. Это высокий статус, подтверждающий принадлежность кому-то из членов клуба, однако это не означает, что женщина, которая носит нашивку «Собственность», является членом клуба.

Домашняя мышь: девушка, которая выполняет работу по дому и занимается уборкой, часто за защиту и покровительство, если оказывает эту услугу члену клуба.

Церковь: место собраний высокопоставленных членов клуба, где принимаются решения и обсуждаются внутренние дела клуба.

Один процент (однопроцентники): 99% всех мотоклубов соблюдают закон и объединяются ради братства, хобби или чувства общности. Однако один процент этих клубов носит эту нашивку, заявляя, что они не признают никаких законов, кроме устава своего клуба. Это могут быть насильственные действия в целях защиты, незаконные способы зарабатывания денег и многое другое.

Президент: в контексте байкерского клуба это участник самого высокого ранга, за которым остается последнее слово в любых вопросах.

Калли

Я не могла припомнить, чтобы воздух здесь когда-то был настолько густым и липким, но, с другой стороны, я никогда не стояла посреди кладбища Роуз-Риджа в разгар августовской жары.

Пот стекал по спине, влажность окутывала, пока я наблюдала за разворачивающимся внизу зрелищем. У дерева меня удерживали лишь упрямство и здоровая порция негодования.

Ни жара, ни обстоятельства не помешали толпе вокруг гроба моего отца облачиться в их привычные черные кожаные куртки и джинсы. Я даже немного удивилась, что они слушают пастора, бубнящего что-то о мире и рае. Мой отец ничего не знал ни о том, ни о другом и, будь он жив, рассмеялся бы этим словам и с ревом умчался в закат на своем харлее. Он бы наверняка предпочел, чтобы его тело кремировали, ссыпали в пустую бутылку из-под виски и поставили на каминную полку в его любимом клубе.

Он бы хотел грандиозной вечеринки — с обнаженными женщинами, громкой музыкой и прочим развратом. Но поскольку я была его единственной живой родственницей, сценарий похорон зависел не от него. А от меня.

Я выбрала церемонию под открытым небом, с пастором, шестифутовой ямой в земле и вычурным надгробием, восхваляющим его военные заслуги и те несколько лет, когда он был мужем. Я умолчала о том, что он был отцом. По крайней мере, для меня он им не был.

Единственный, кто знал о моем присутствии сегодня, — это Киллиан, которому я написала по поводу организации похорон. Я знала, что он расскажет Ред, и новость разлетится дальше. Однако он был не настолько глуп, чтобы оглядываться в мою сторону. Как бы то ни было, я надела огромные солнцезащитные очки, чтобы скрыть свои ореховые глаза, точную копию отцовских, которые выдали бы с головой наше родство. Губы я подчеркнула любимым розовым оттенком — единственным ярким пятном среди черного. Мое темное платье вызывало зуд, туфли были слишком тесными, и все, чего я по-настоящему хотела, — это оказаться как можно дальше от ропота скорбящих, моря кожи и жары.

Черт возьми, мне *очень* хотелось убраться подальше от этого адского пекла.

— Аминь, — пронеслось в толпе передо мной, и внешне все головы поднялись, а я поняла, что пропустила еще одну молитву. Я стояла в самом конце церемонии и не разобрала почти ни слова из речи пастора, но подходить ближе отказалась наотрез. Вокруг гроба моего отца стояла его *семья*. Те, кого он всю жизнь ставил превыше всего, включая единственную дочь.

Мужчины и женщины мотоклуба «Каменные* всадники».

* Прим. переводчика — на английском название клуба звучит *Stone Riders*. Стоун — фамилия президента клуба и переводится как «камень», поэтому название клуба переведено как «Каменные всадники».

Я знала, что, если присмотреться, в глазах у них будут слезы, а на лицах — скорбь, давящая тяжким грузом на плечи и заставляющая опускать глаза. Я знала почти каждого из них. Клуб моего отца взращивал преданность, и «Каменные всадники» были верны ему до конца, так что мысль о том, что старые члены клуба не придут на похороны, была абсурдной. А значит, половина тех, кто растил меня, стояли в этой толпе. Я не хотела сочувствовать им, не хотела скорбеть об отце и больше всего не хотела жалеть саму себя.

Поэтому я стояла поодаль. Но достаточно близко, чтобы проконтролировать, что мои деньги не потрачены впустую, и... если быть совсем откровенной, чтобы провести последние минуты рядом с отцом, прежде чем его предадут земле.

Мужчины, стоявшие впереди, нагнулись, взяли по горсти земли и бросили ее на гроб. Я смотрела, как несколько женщин в кожаных юбках и обтягивающих топах сделали то же самое. Взгляд задержался на Ред, Хэмише, Киллиане и Бруксе. Сердце, словно зазубренный камень, колотилось о ребра.

Когда-то они были моей семьей — теми, кто учил меня завязывать шнурки и ездить на велосипеде. Ред объяснила, что делать, когда начались месячные, и как красить ресницы тушью. Хэмиш научил меня жульничать в покере и прижимать большой палец к костяшкам при ударе. Киллиан был мне почти как брат, и я знала, что сегодня ему так же больно, как и мне. Все, чего я хотела, — оказаться рядом с ним и оплакать мужчину, который нас вырастил. Он был таким же отцом для Кила, как и для меня, но я стояла здесь, а он — там.

Мои губы слегка приоткрылись, пальцы ног вжались в носки туфель. Маленькая девочка внутри отчаянно нуж-

далась сегодня в этих людях. Прошло семь лет с тех пор, как я говорила с кем-либо из них, включая отца. И все же эта сломленная маленькая девочка с разбитым сердцем так надеялась, что они поднимут головы и обернутся. Что они найдут меня и заключат в объятия. Я схватилась за дерево за спиной, лишь бы не поддаться непреодолимому желанию сбросить туфли и побежать к ним.

Вместо этого я наблюдала, как остальные подходили и бросали землю, снова и снова, пока перед гробом отца не остался лишь один человек. Я представляла, каково это — чувствовать теплую землю между пальцев. Представляла, как она забивается под ногти, позволяя унести с собой частицу места упокоения моего отца. Это напомнило те времена, когда мне было десять лет и мы с отцом разбивали лагерь на заднем дворе, а он, улыбаясь, насыпал в банку цветной песок из магазина и говорил, что это сокровище.

Тогда я еще не понимала, что единственным его сокровищем был клуб.

Толпа рассеялась, переместившись к своим сверкающим хромом мотоциклам, припаркованным на обочине узкой асфальтовой дорожки, пересекающей кладбище.

Мужчина, оставшийся у гроба моего отца, не двигался. Его джинсы выглядели чистыми, и, насколько я могла судить, на них не было дыр. Его белая футболка казалась новенькой, только что извлеченной из упаковки.

На спине его кожаной куртки над эмблемой клуба — череп с розами, растущими из глазниц, — красовалась надпись: «Каменные всадники». Под черепом написано имя, которое привлекло мое внимание. Оно не должно было заставить сердце биться так сильно. Казалось, мой взгляд мог прожечь дыру в спине этого мужчины, когда я наконец осознала, кто он и кем стал.

Уэс.

Президент.

От шока мои глаза расширились, а с губ сорвался беззвучный вздох.

Живот свело, мысли носились с бешеной скоростью — вопросы, которые я не имела права задать, и смятение, которое клубилось в моей груди грозовой тучей. У меня защипало в носу — обычно это было единственным предупреждением перед появлением слез. Поэтому я бросила розу, которую собиралась положить в знак примирения на могилу отца, раздавила бутон каблукom и ушла. С каждым шагом, уносившим меня от могилы, я чувствовала, как рассыпаются осколки сердца, такие же хрупкие, как лепестки, раздавленные моими ногами.

Я не должна была скорбеть об отце.

Я не должна была вообще что-либо чувствовать. И уж точно не должна была стать свидетелем того, что Уэсли Райан остался в клубе и сменил моего отца на посту президента.

Я моргнула, заталкивая боль поглубже. Очки скроют слезы, если они все-таки прольются, но я обещала себе не плакать. Вообще. Я собиралась сразу вернуться в Вашингтон. Нужно было просто сесть в машину и проигнорировать ощущение, что я потеряла всякую надежду на примирение с отцом — *или с Уэсом*.

— Мисс Стоун?

Я резко, со сдавленным криком обернулась.

— Простите, я не хотел вас пугать, просто не был уверен, что это вы. — Худощавый невысокий мужчина, поморщившись, поднял руки.

Я сменила позу и бросила взгляд через его плечо, чтобы убедиться, что никто из присутствующих на церемонии не направляется в мою сторону.

— Все в порядке. Я просто задумалась.

Выражение лица мужчины оставалось невозмутимым, но он сделал шаг ближе.

— Я Эрл Стейтон, адвокат вашего отца. Увидел, что вы спешите уйти, и хотел перехватить вас, пока не поздно.

Ох. Адвокат означал, что ему нужно решить юридические вопросы.

— Мне нужно буквально несколько минут вашего времени завтра. Необходимо поставить пару подписей.

Я обхватила себя руками, когда призрачный холодок пробежал по затылку, несмотря на изнуряющую жару.

— Вообще-то, я планировала уехать сегодня вечером...

Эрл неловко переступил с ноги на ногу. Костюм был ему великоват, но мужчина держался в нем уверенно.

— Мой офис открывается в восемь, встреча не займет много времени. Обсуждать почти нечего.

Да, вряд ли там было что-то важное.

Я кивнула в знак согласия. Одна лишняя ночь ничего не изменит.

Эрл протянул визитку с адресом офиса и неторопливо зашагал прочь между надгробий, установленных на траве.

Я сжала карточку и направилась к машине. Прежде чем открыть дверь и скользнуть внутрь, я в последний раз оглянулась. Я ненавидела это тянущее чувство в животе, требовавшее вернуться и поплакать над гробом отца. Последний взгляд — и я отпущу его. Но мое внимание привлек не гроб, а мужчина, стоявший рядом с ним и смотревший в мою сторону.

Я не видела Уэсли Райана семь лет, но внезапно вспомнила о письмах, лежащих у меня дома в верхнем ящике стола. Он начал отправлять их примерно три года назад, раз в месяц. Я не открывала ни одного — даже са-

мое первое — и не вернула их отправителю. Просто собирала и ненавидела себя за то, что храню их.

Что он мог мне сказать?

Последнее письмо, отправленное через две недели после нашего расставания, до сих пор стояло у меня перед глазами.

«Я не любил тебя... Я просто жалел тебя».

Тугой комок эмоций встал в горле, усиливая жжение в носу. Нужно было убираться отсюда.

Я развернулась, села в машину и умчалась прочь, ни разу не оглянувшись.

Уэс

9 лет

Было слишком жарко.

Я говорил маме с папой, что на втором этаже совсем нечем дышать, но они просто предложили нам спать внизу или на улице. Мои сестры занимали всю гостиную, а я не хотел спать на полу.

Поэтому я решил отправиться на улицу и переночевать в домике на дереве. Не знаю, почему я не додумался до этого раньше. Пару ночей я пытался спать на батуте, но насекомые постоянно загоняли меня обратно в духоту. В домике на дереве окна были завешены простынями, чтобы они не проникли внутрь, и я всегда мог зажечь свечу от комаров, чтобы отпугнуть их.

Перекинув одеяло и подушку через плечо, я полез вверх по доскам, прибитым к коре дерева. Луна тонким серпом висела на ясном небе, а звезды усеивали темноту миллионами ярких светящихся точек. Сверчки громко стрекотали в высокой траве за двором, но звуки, которые приносил ветер с дороги, почти заглушали их.

Это повторялось каждые выходные. Музыка вдалеке, рев моторов и громкие крики. Папа говорил, что люди просто отдыхают и не стоит обращать на них внимания.

Мама называла их грешниками, которым нужен Иисус. Братья предупреждали не попадаться им на глаза, потому что мужчины и женщины, производившие весь этот шум, были самыми опасными в Вирджинии.

Однажды мы возвращались домой поздно вечером, и я увидел эту компанию во дворе старого дома Стоунов. Некоторых я встречал в городе, и они выглядели вполне адекватно. Улыбались людям, помогали старушкам с сумками, даже участвовали в строительстве дома для Барклаев после пожара. Я не понимал, почему шумные выходные делают их опасными, но сейчас это не имело большого значения.

Не тогда, когда было так жарко, что хотелось содрать с себя кожу и поменяться ею со змеей или лягушкой. С кем угодно, лишь бы почувствовать прохладу.

Я отодвинул задвижку деревянного люка, толкнул его вверх и залез внутрь.

Тесное пространство, как всегда, было завалено картами и настольными играми. Я распахнул все ногой, освобождая место для одеяла и подушки. Когда все было готово, я лег и закинул руки за голову.

Легкий ветерок овеивал тело, и это было так приятно, что я закрыл глаза и попытался заснуть.

Как раз в тот момент, когда я почти провалился в сон, до меня донеслось шлепанье босых ног по земле и чье-то тяжелое дыхание. Я сел и подполз к окну, но внизу никого не было.

Потом я посмотрел на дом, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте, но ничего не двигалось.

Вдруг люк домика приподнялся, и в проеме показалась голова.

Я вскрикнул и отпрянул.

— Ш-ш-ш! Не ори. — В отверстии появилась чья-то фигура, и вот уже девочка моего возраста ползла ко мне.

Ее темные волосы колыхались при каждом движении как две длинные шторы, свисавшие по обеим сторонам лица.

— Прости. Я не причиню тебе вреда, — повторила она, примирительно подняв руки.

Я успокоился, проглотив готовый вырваться крик, и стал разглядывать ее. Она была маленькой, худенькой и какой-то тщедушной. Я выглядел крупнее, так что причин бояться у меня не было.

— Что ты здесь делаешь?

Ее большие ореховые глаза скользнули по моему лицу, прежде чем она плюхнулась на край одеяла.

— Я Калли.

Я подтянул колени к противоположному краю одеяла.

— Ты бездомная?

Она вскинула голову.

— Нет. Просто мне нужно было уйти на ночь. В субботние вечера тяжелее всего.

В голове что-то щелкнуло... звуки с дороги. Розовый велосипед, который я как-то заметил у дома Стоунов по пути домой.

— Ты живешь дальше по дороге.

Калли уставилась на меня, потом медленно кивнула.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Уэс.

Она уткнулась подбородком в колени, глядя в угол домика. На ней была огромная футболка, в которой она буквально тонула, так что я даже не мог разобрать, наде-ты ли на ней шорты. Босые ноги были грязными, но ногти украшал аккуратно нанесенный нежно-розовый лак.

— Можно остаться здесь? Я буду сидеть в углу и совсем тебя не побеспокою. Обещаю. Мне просто нужно переждать до рассвета. К тому времени они обычно заканчивают.

— Что они... — Я осекся, не уверенный, что хочу услышать ответ.

Она не смотрела на меня, но, видимо, поняла, что я имел в виду.

— Меня никто не бьет, не беспокойся. Просто мне не нравится быть там, когда они открывают двери для гостей. Они съезжаются отовсюду и очень шумят. Я даже мультики не слышала. Я пыталась заснуть в комнате отца, но он пришел с кем-то и разозлился на меня.

Инстинктивно я окинул взглядом свой дом. Там было темно и тихо. Мама с папой укладывали нас спать к десяти, даже по выходным.

В животе что-то дрогнуло, будто от легкого укола. Мне не понравилось чувство, с которым я смотрел на нее, но мне было жаль, что она не может спать в собственном доме.

Я протянул ей подушку.

— Можешь остаться.

Она подняла руку и осторожно взяла ее.

— Только на эту ночь...

Я кивнул.

— Только в этот раз.

Она спрятала руки в футболку и, свернувшись калачиком, устроилась на подушке. Я остался лежать на своей половине одеяла и закрыл глаза, но сон не шел. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь, чтобы никто не поднялся и не обидел ее до утра.